

МОНАРШЕЕ СЛУЖЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

© 2018

М.А. Токмачева, аспирант кафедры педагогики*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск (ЛНР)*

Ключевые слова: монаршее служение; воспитание будущего правителя; духовно-нравственное воспитание.

Аннотация: В настоящее время утраты духовных ориентиров, социальной разобщенности и военных конфликтов общество особенно нуждается в лидерах, воспитанных в духе гражданственности, патриотизма и самоотверженности. Примером такого воспитания может послужить религиозно-нравственная подготовка наследников русского престола к их царскому служению. В статье проводится культурно-исторический анализ концепта «служение» и отдельного его феномена, присущего временам царской Руси, – «монаршего служения». Дается теологическое обоснование харизмы царской власти в ее религиозном и культурно-историческом контексте. В результате анализа богословских трактатов и трудов русских религиозных философов раскрывается духовно-сакральный смысл царского служения, усматривается параллель между голгофским подвигом Христа, как наивысшей формой служения ближнему, и миссией царя земного, как «иконы», образа и подобия Царя Небесного. Подчеркивается уникальность медиаторской функции монарха как посредника между Богом и народом, его одновременный статус как высшего представителя суверенитета, так и вассалитета. Утверждается, что миссия православного царя, Божьего помазанника, заключалась не только в несении ответственности за подданных при строгом наблюдении за исполнением ими законов, но и в личном духовном возрастании правителя, кульминационной ступенью которого являлась готовность к подвигу самопожертвования. Делается вывод об онтологическом характере и универсальности такого понятия, как «служение ближнему», на примере героических поступков наших соотечественников из разных эпох и социально-правовых групп. Утверждается необходимость возврата в предметное поле современной педагогической науки идеи «служения ближнему» как нормы жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Учитывая обострение военных конфликтов на территориях земель, объединенных причастностью к русской культуре и православному вероисповеданию, сегодня особенно актуализируется спрос на духовных лидеров, способных консолидировать разрозненное общество «русского мира» и готовых подать личный пример патриотизма, самоотверженности и гражданственности. Интересные в этом смысле сведения содержат исторические материалы о подготовке наследников русского престола, где тема служения выступала «краеугольным камнем» формирования будущего правителя.

Тему служения как духовно-патриотическую традицию русского народа рассматривали В.В. Калмыков, А.А. Яблонских, освещая воинский аспект данной проблемы. Социальному служению в контексте различных религиозных доктрин посвящены работы В.Б. Устиненко, Т.А. Костылевой, Т.В. Зальцман. Философское осмысление сакрализации власти предложил Д.Н. Михайлов. Что касается формирования необходимых качеств для подготовки монарха к его сакральной миссии, а также изучения вопроса служения с позиции сегодняшних социально-культурных реалий, то данный феномен изучен недостаточно, а потому требует ретроспективного анализа и определения наличия в нем педагогической составляющей.

Цель исследования – рассмотрение специфики царского служения в религиозно-историческом ракурсе, выявление условий и качеств, необходимых для несения монаршей миссии, обоснование их ценности и возможности применения в современном педагогическом пространстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изначально понятие «служение» возникло в среде воинских сословий, без которых не обходилось ни одно

древнее общество. Поскольку войны воспринимались как некий священный акт, идея служения вобрала в себя черты благородства, рыцарства, жертвенности, покровительства слабым и подчиненности высшему духовному началу. Считаясь почетным и привилегированным родом деятельности, воинская служба транслировала свои высокие смыслы и на другие сферы деятельности: трудовую и религиозную практику. Со временем понятие «служить» утратило свой подчеркнутый милитаристский смысл и семантически разделилось на два концепта, принадлежащих разным сферам реализации личности: стилистически нейтрально окрашенную *службу*, относящуюся к рутинному исполнению рабочих или воинских обязанностей, и *служение*, указывающее на труд во имя некой возвышенной цели. Так возникло служение ближнему, правде, народу, царю, Отечеству, Богу... Царское служение, вобрав в себя черты воинского подвига и священнической харизмы, стало своеобразной иконой, образом высшего служения, поданной самим Христом в качестве урока, объясняющего, что властвовать – это не привилегия, а долг, а власть имущий – это не узурпатор и сатрап, но прежде всего слуга: «...кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:25) [1, с. 99]. Именно это уподобление властителя земного Царю Небесному было положено в основу модели царского служения; к столь ответственной, мистической роли будущего монарха готовили с детства.

При этом необходимо отметить, что земная царская власть не была изначально установлена как наивысшая форма правления, поскольку таковой была лишь подлинная теократия, т. е. богоправление. На это обращается

внимание в «Основах социальной концепции РПЦ», где указано, что из всех существующих форм власти высшей ее формой была ветхозаветная эпоха Судей, в период которой власть действовала не силовыми методами, а с помощью авторитета, который сообщался Божественным изволением [2]. Однако по мере усиления вероотступнических тенденций в ветхозаветном обществе появилась необходимость «заменить Царя Незримого царем видимым» [2, с. 54], как мера, принуждающая к исполнению закона, что и повлекло за собой переход от судейства к монархии. Царство, таким образом, трактуется в «Основах» как менее совершенная, нежели судейство, однако все еще богоустановленная форма правления.

Первым помазанником на царство был ветхозаветный Саул, которого вскоре сменил благочестивый Давид. В новозаветные времена царская власть перешла к Римской империи, затем к Византии – Риму Второму, а после падения Царьграда – к Москве – Риму Третьему («а четвертому не быти») [3, с. 181–208].

В русские земли учение о богоданности царской власти проникло в виде проповедей византийских богословов и теологических трактатов, переведенных с греческого языка. В XV веке Русь восприняла от Византии чин венчания на царство, а спустя сто лет – и чин миропомазания, который по традиции входил в контекст литургии, сопровождался молитвенным обращением монарха к Богу и символизировал переход царствующей особы в новое, сакральное качество, отличное от простого мирянина [4, с. 31–36]. Известный лингвист-семиотик Б.А. Успенский проводит параллель между местом царя и Христа в этом действе: царь располагался непосредственно перед царскими вратами, ведущими в алтарь, как бы дублируя Царя Небесного [5]. Завершалась церемония приобщением Святых Христовых Таин, которое император совершал в алтаре, подобно священному лицу. Таким образом, правитель становился не только высшим представителем державного суверенитета, но и высшим носителем вассалитета, что подразумевало его «подчиненную зависимость по отношению к Верховному Судье – Богу» [6, с. 26].

Для русского сознания самодержавие с Божьим помазанником во главе являлось единственной формой земной справедливости, «Царством правды», а сам правитель всегда был неотделим от Бога и воспринимался как Его земной представитель. Любопытный в этом смысле материал содержится в уникальной публикации писателя, этнографа и лексикографа В.И. Даля «Пословицы русского народа» [7, с. 243–244]. В ней воспроизведено около тридцати тысяч популярных изречений, целый ряд из которых посвящен народному представлению о власти: «Бог на небе, царь на земле», «Сердце царёво в руке Божьей», «Один Бог, один Государь», «Правда Божья, воля государева», «Без бога свет не стоит, без царя земля не правится», «Одному богу государь ответ держит» и др. В то же время царь и подданные представляют собой неразделимый союз, неся друг перед другом взаимную ответственность: «Народ тело, а царь голова», «Коли царь Бога знает, Бог и царя, и народ знает». На вопрос: «Кто такой царь?» – преподобный Максим Грек отвечает: «Царь бо ничто же иное есть, разве образ... одушевлен самаго Царя Небеснаго» [8, с. 158]. Святитель Димитрий Ростовский также, на-

зывая христианского монарха «образом и подобием Христа Царя, живущего на небесах» [9, с. 574], указывает на единство образа и Первообраза и проводит аналогию между Церковью Торжествующей и воинствующей, Царем Небесным и царем земным, Искупытельной Жертвой Христа за Свою Церковь и жертвенным участием земного властителя в судьбе своего отечества и народа. Эта символическое отождествление государя с подданными, с одной стороны, и его недоступная для других тесная связь с Богом, с другой, наделяла монарха свойствами духовного проводничества между миром горним и дольным, медиаторства между Богом и людьми. Поэтому будущего правителя с рождения необходимо было готовить не только как высококлассного управленца, но и как исполнителя этой уникальной сакральной миссии в уподобление универсальному «истинному Медиатору» [10] и «совершенному Посреднику» [11, с. 19] – Христу.

Тема сакральности царской власти затрагивалась в ряде общеизвестных трудов русских мыслителей: И.А. Ильина, П.А. Флоренского, И.Л. Солоневича, Л.А. Тихомирова, Г.Н. Трубецкого, Е.В. Барсова и др. По мнению П.А. Флоренского, самодержавие как власть, в понимании русского народа, относится не к юридическим понятиям, а, скорее, к догматическим, вероучительным и не выводимым из принципа «общественной или государственной пользы» [12, с. 298]. О сакральности царской власти высказывались и такие святые отцы, как прп. Серафим Саровский, прав. Иоанн Кронштадтский, прп. Серафим (Соболев). «Как небо, бесспорно, лучше земли, и небесное лучше земного, – читаем в трудах святителя Филарета Московского (Дроздова), – то также бесспорно лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесному... Благо народу и государству, в котором... как солнце во вселенной, стоит Царь» [13, с. 252]. В народном сознании царь олицетворял не политику и не учреждение, а земной прообраз «Высшего установления»: народ с готовностью готов был предать свою волю в руки «Божьего служителя» и во всем повиноваться ему, осознавая, что это подчинение «не человеку..., а самому Богу» [14, с. 236]. Потому незыблемым основанием харизмы монаршей власти являлась не что иное, как каноническое присутствие царя в церковной иерархии (царь – внешний епископ Церкви), а вовсе не его персональная праведность. И если в ветхозаветную эпоху цари поставлялись за особые личные качества (безупречный полководец Саул, «возлюбленный Богом» Давид), то по мере утверждения Церкви монаршее служение вобрало в себя черты священнического служения, где, образно говоря, не человек красит место, а место – человека. О том, что благодать священства является не проявлением субъективных заслуг священника, но достоянием Церкви, писал философ-богослов С.Н. Булгаков: «Святость священства есть святость Церкви, а не личная святость» [15, с. 121–122]. Так, избрание на трон Михаила Романова в 1613 году вовсе не являлось признанием каких-либо особых его заслуг, а декларировало возврат к должному пониманию богоустановленной формы правления, за что, по мнению православного публициста В.П. Семенко, русскому народу и была дарована победа над самозванцами Смуты [16].

Стяжание же личного благочестия монархом было делом воспитания и его персонального возрастания в духе, поскольку само по себе помазанничество на царство, несмотря на то, что носило освящающий характер, не гарантировало святости его обладателю, ибо святость необходимо стяжать, или, как говорится в Евангелии, «нудить». Сложность обретения именно этого живого нравственного идеала в лице правителя, по мнению И.А. Ильина, являлась основным преткновением в возникновении и поддержании монархии [17].

Поскольку русский народ жаждал монархии как символа Верховной власти правды, необходима была властная личность, не вызывающая никаких пререканий и недоверий и связанная со своим народом общими целями и ценностями, так как доверие к «первому лицу» было прямо пропорционально его духовному облику. От того, кому вверено путеводство других, требовались прежде всего не какие-либо особые навыки или таланты, а всецелая посвященность своей высокой миссии. Воспитывать харизматичного лидера нации необходимо было так, чтобы он смог добиться взаимного понимания с нацией и, слившись с нею в этом чувстве, служить своим подданным примером религиозной сознательности, но «лишь при условии, чтобы, стоя впереди, он находился, однако, на той же самой почве» [14, с. 453].

Наиболее ярко задача воспитания самодержца отражена в трудах пламенного приверженца византийского вероучения Максима Грека. В своих письмах, адресованных Иоанну Грозному, Преподобный рисует идеальный образ «царя истинна», который «правдою и благозаконием» устраивает справедливость и порядок в государстве, при этом главной задачей преподобный считает долг государя удерживаться от страстей и греховных склонностей, а термин «самодержец» в его трактовке определяется как «держачий себя в руках» [18, с. 8]. Такая аскеза, способность самому себе запрещать все то, что противоречило христианской нравственности, родило монарха с монахом. И тот, и другой – “monos” (греч.) – одиноки в своем личностном предстоянии пред Богом и несут одинаковое послушание: полное отсечение своей воли. И если для любого монаха Жених – Христос, то монарх сам является женихом для своей страны, ведь «"венчание на Царство" – это мистический брак с Россией» [19, с. 372].

О чрезвычайной сложности и ответственности воспитания будущего правителя писал и педагог-мыслитель К.Д. Ушинский. Пытаясь обосновать социально-политическую и духовно-нравственную установку воспитания наследника, Учитель учителей русских называл это делание «святым» и более важным, чем государственные дела и реформы, ввиду его непоправимости, поскольку от отношения монарха к своему служению зависит благоденствие либо злополучие целой страны: «Рука всякого истинно русского человека, прикасаясь к нему, невольно задрожит» [20, с. 573].

В «Письмах о воспитании наследника русского престола» К.Д. Ушинский называет условия, необходимые для формирования целостной личности будущего государя, верховного правителя России и покровителя всех христиан, в руках которого находилась церковная и светская власть. Наиболее принципиальными из них педагог считает приоритет духовного развития, нацио-

нальные основы воспитания, верность русской (а значит, и православной) идее. К.Д. Ушинский полагал, что нравственное воздействие есть первостепенная задача воспитания, значительно более важная, чем наполнение ума всевозможной информацией. По сути, русский мыслитель XIX века полностью повторяет идеи Максима Грека о том, что призывать подданных к бескорыстному служению отечеству монарх имеет право, лишь преподав личный пример жертвенного служения – без этого условия требование не найдет отклика в сердцах подданных [20].

Таким образом, главной целью воспитания будущего монарха являлась подготовка его к служению в том высшем смысле, которое это понятие обрело в новозаветную эпоху: научить не просто устанавливать «Божий порядок» на земле, являясь верховным стражем закона и ревностным его исполнителем, но и дополнить харизму, полученную при помазании на царство (подобно ветхозаветным царям), харизмой личной святости через мессианское самопожертвование (подобно Христу-Царю).

Наиболее ярким подвигом жертвенного царского служения в истории Руси является, пожалуй, подвиг последнего русского императора Николая II, осознанно взошедшего на свою «гогофу» вместе с членами семьи, о чем свидетельствуют неоднократно повторяемые им слова, произнесенные задолго до екатеринбургской трагедии о готовности принести искупительную жертву ради спасения России [21; 22].

Следует подчеркнуть, что жертвенное служение ближнему не ограничивается лишь царской прерогативой. История Русского государства во все времена подавала бесчисленное множество примеров готовности голову положить «за други своя»: Иван Сусанин, Пересвет и Ослябя, Архип Осипов, Александр Матросов, Николай Гастелло и целый сонм героев войн и жертв богоборческих репрессий. Нравственно-этическое основание служения собрату укоренено в самом человеческом естестве, в гуманистической природе цивилизационного развития, а потому входит в сферу онтологических ценностей, пребывающих вне времени и среды. В нынешний век экзистенциального нигилизма и ценностного хаоса остро стоит необходимость возрождения и возвращения в терминологическое и предметно-проблемное поле педагогики такого понятия, как «служение ближнему как норма жизни», что возможно лишь при реабилитации базовых христианских смыслов, на основе которых воспитывались русские монархи, святые отцы, известные полководцы, русские религиозные философы, из которых произросла самобытная культура и была построена великая Российская империя.

ВЫВОДЫ

Понятие монаршего служения, берущее корни из архаичной среды воинской и жреческой элиты, в новозаветную эпоху приобрело новую установку: как священное лицо, царь выполнял медиаторскую роль между Богом и народом. Помимо практической работы по реализации функций государства, православный правитель, в случае кризисных событий, обязан был подать пример жертвенности, без чего не имел морального права на верноподданнические чувства народа. При воспитании личности будущего государя первостепенное

внимание уделялось его духовному облику: таким укорененным в христианской культуре качествам, как благочестие, самоотверженность, аскетизм, единство нравственных идеалов с народом. Воспитание современных лидеров необходимо строить на основе тех же традиционных идеалов, что поспособствует формированию устойчивых ценностных ориентиров в обществе, патриотических чувств, национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Новый Завет. М.: Даниловский благовестник, 2013. 1152 с.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Моск. Патриархия, 2000. 159 с.
- Тимошина Е.В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение. 2005. № 4. С. 181–208.
- Чин поставления на царство царя Алексея Михайловича. Сообщено архим. Леонидом // Памятники древней письменности и искусства ОЛДП. СПб.: ОЛДП, 1882. Т. 7. Вып. 16. С. 31–36.
- Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России // Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1. С. 187–189.
- Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. 352 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. 900 с.
- Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. М.: Гнозис, 1994. 429 с.
- Святитель Димитрий Ростовский. Речь к Петру Великому // Поучения и слова. М.: Проспект, 2017. 597 с.
- Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 61–66.
- Mirimanoff A.J. Les principes de la Mediation. Genève: Slatkine, 2014. 24 p.
- Флоренский П. Около Хомякова // Собрание сочинений. В 4х т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 298–304.
- Филарет, митрополит Московский (Дроздов). Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского. В 3 ч. Ч. 3. М.: Типография Грачева и Комп, 1861. 390 с.
- Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Эксмо, 2016. 608 с.
- Булгаков Сергей, протоиерей. Православие. Париж: ИМКА-Пресс, 1964. 403 с.
- Семенко В.П. Время Церкви. М.: Независимый фонд возрождения церковного искусства, 1998. 174 с.
- Ильин И.А. О монархии и республике. Нью-Йорк: Содружество, 1979. 329 с.
- Громов М.Н. Максим Грек. М.: Мысль, 1983. 198 с.
- Архив К.Д. Ушинского. В 4 т. Т. 4. М.: АПН РСФСР, 1962. 721 с.
- Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: Директ-Медиа, 2014. 662 с.
- Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Директ-Медиа, 2014. 224 с.
- Мульгатули П. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М.: Аст-рель, 2012. 443 с.

REFERENCES

- Novyy Zavet* [New Testament]. Moscow, Danilovskiy blagovestnik Publ., 2013. 1152 p.
- Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [The principles of social concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Mosk. Patriarkhiya Publ., 2000. 159 p.
- Timoshina E.V. Theory “Third Rome” in the works “Filofeeva cycle”. *Pravovedenie*, 2005, no. 4, pp. 181–208.
- The order of placing for kingship of Tsar Aleksey Mikhailovich. Reported by archimandrite Leonid. *Pamyatniki drevney pismennosti i iskusstva OLDP*. Sankt Petersburg, OLDP Publ., 1882. Vol. 7, vyp. 16, pp. 31–36.
- Uspenskiy B.A. Tsar and patriarch: charisma of power in Russia. *Izbrannye Trudy*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1996. Vol. 1, pp. 187–189.
- Bokhanov A.N. *Samoderzhavie. Ideya tsarskoy vlasti* [Self-Government: The Idea of the Power of Tsars]. Moscow, Russkoy slovo Publ., 2002. 352 p.
- Dal V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit-ry Publ., 1957. 900 p.
- Uspenskiy B.A. *Izbrannye trudy. Semiotika istorii* [Selected Works. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. Vol. 1, 429 p.
- Sanctifier Dimitry Rostovsky. Address to Peter the Great. *Poucheniya i slova*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 597 p.
- Zinchenko V.P. Cultural-historical psychology: amplification experience. *Voprosy psikhologii*, 1993, no. 4, pp. 61–66.
- Mirimanoff A.J. Les principes de la Mediation. Genève, Slatkine Publ., 2014. 24 p.
- Florenskiy P. Near Khomyakov. *Sobranie sochineniy*. Moscow, Mysl' Publ., 1996. Vol. 2, pp. 298–304.
- Filaret, mitropolit Moskovskiy (Drozdov). *Slova i rechi sinodalnogo chlena Filareta, mitropolita Moskovskogo* [Words and speeches of the Synod member Philaret, metropolitan of Moscow]. Moscow, Tipografiya Gracheva i Komp Publ., 1861. Ch. 3, 390 p.
- Tikhomirov L.A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost* [Monarchic statehood]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 608 p.
- Bulgakov Sergiy, protoierey. *Pravoslavie* [Orthodoxy]. Parizh, IMKA-Press Publ., 1964. 403 p.
- Seменко V.P. *Vremya Tserkvi* [Church time]. Moscow, Nezavisimyy fond vrozhdeniya tserkovnogo iskusstva Publ., 1998. 174 p.
- Ilin I.A. *O monarkhii i respublike* [On monarchy and republic]. New York, Sodruzhestvo Publ., 1979. 329 p.
- Gromov M.N. *Maksim Grek* [Maxim Greek]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 198 p.
- Arkhiv K.D. Ushinskogo* [Archive K.D. Ushinsky]. Moscow, APN RSFSR Publ., 1962. 721 p.
- Bokhanov A.N. *Rossiyskaya imperiya. Obraz i smysl* [Russian empire. Image and meaning]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 662 p.
- Paleolog Zh.M. *Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoy voyny* [Tsarist Russia during world war]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 224 p.

22. Multatuli P. *Krugom izmena, trusost i obman. Podlinnaya istoriya otrecheniya Nikolaya II* [Betrayal, cowardice and deception are around. True story of abdication of Nikolay II]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 443 p.

**MONARCHICAL SERVICE AS AN OBJECT
OF PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL UNDERSTANDING**

© 2018

M.A. Tokmacheva, postgraduate student of Chair of Pedagogy
Taras Shevchenko Lugansk National University, Lugansk (LPR)

Keywords: monarchical service; future ruler upbringing; spiritual-moral upbringing.

Abstract: In the present time of loss of spiritual orientations, social distance and military conflicts, the society has special need of leaders raised in the spirit of civic consciousness, patriotism, and dedication. Spiritual-moral training of heirs to the Russian throne for their royal service can be an example of such upbringing. The paper carries out the cultural and historical analysis of the concept “service” and its certain phenomenon peculiar for the time of Tsarist Rus – “monarchical service” and gives the theological substantiation of the throne charisma within its religious and cultural-historical context. In the result of the analysis of theological essays and works of Russian religious philosophers, the author uncovers the spiritual and sacral meaning of royal service, draws a parallel between the Golgotha deed of Christ, as the highest form of service to neighbor, and the earth tsar mission, as an “icon”, image and likeness of Heavenly Father. The author underlines the uniqueness of the intercessor’s function of a monarch as the mediator between God and people, his simultaneous status of both the sovereignty and vassalage superior representative. It is said that the mission of Orthodox tsar, the Lord’s anointed, was not only in the discharge of responsibility for the subjects while strictly supervising how they abided by laws but in the personal spiritual growth of a ruler, the culmination stage of which was the readiness for an act of sacrifice. Using the examples of acts of heroism of our countrymen from different epochs and socio-legal groups, the author concludes about the ontological nature and the universalism of such concept as “service to neighbor”. The author proves the necessity to bring the idea of “service to neighbor” as a norm of life back to the object field of contemporary pedagogical science.